
Э. Д. ЗИЛИВИНСКАЯ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О МАВЗОЛЕЯХ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Статья представляет собой рецензию на монографию Г. Н. Гарустовича и А. И. Нечвалоды «Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана. История, археология, биоантропология», которая посвящена анализу материалов средневековых каменных мавзолеев в Республике Башкортостан (Чишминский район). Авторы акцентируют внимание на исторических, археологических и антропологических проблемах, показывая взаимосвязь строительства монументальных мусульманских памятников с глобальной политикой исламизации страны, целенаправленно проводимой в XIV в. золотоордынскими ханами Узбеком и Джанибеком. Книга содержит портреты людей, захороненных в мавзолее Хусейнбека и «Малом кэшэнэ», выполненные одним из авторов по методу антропологической реконструкции лица по черепу, разработанному антропологом Михаилом Михайловичем Герасимовым. Работа рассчитана на историков, археологов, этнографов, антропологов, краеведов, широкий круг читателей – всех, кто интересуется вопросами распространения и утверждения мусульманского монотеизма на Южном Урале, а также развитием культуры башкирского народа в средние века.

Ключевые слова: Золотая Орда, Башкортостан, Татарстан, мавзолеи, исламская архитектура, археология, биоантропология.

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2021.136-140>

Цитирование: Зиливинская Э. Д. Новое исследование о мавзолеях эпохи Золотой Орды // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 136-140.

В БАШКИРСКОЙ СТЕПИ, недалеко от поселка Чишмы возвышаются две удивительные постройки из грубо обработанного камня. Это мавзолеи эпохи Золотой Орды. Мавзолей Тура-хана сохранился практически в неизменном виде: его квадратное в плане основание при помощи треугольных скосов переходит к восьмиграннику, который увенчан восьмигранной пирамидой. К южной стене пристроен портал со сводчатым перекрытием. Мавзолей Хусейнбека был подвергнут реставрации в 1911 г. и теперь выглядит как квадратная в плане невысокая призматическая постройка, перекрытая полусферическим куполом. Несмотря на отсутствие изящества в архитектонике, оба здания производят сильное впечатление именно из-за своей первозданной грубости и расположения вдалеке от жилья среди неводеланной ковыльной степи. Постройки эти привлекали внимание исследователей, начиная с XVIII в. Многие авторы не только приводили описания памятников, но и различные, часто довольно фантастические, предания, связанные с ними. Естественно, что не

обошли вниманием мавзолеи и современные ученые. Уфимский археолог Геннадий Николаевич Гарустович (1957-2017) посвятил их изучению многие годы. Под его руководством были проведены раскопки в мавзолее Хусейнбека и в третьем мавзолее «Малый кешене», развалины которого находятся недалеко от мавзолея Тура-хана. Геннадий Николаевич является автором множества статей, написанных и изданных в разные годы, посвященных различным аспектам изучения башкирских мавзолеев. И вот, наконец, им вместе с антропологом Алексеем Нечвалодой была написана монография, в которой дается итог многолетних исследований.¹ Книга вышла в 2020 г., и Г. Н. Гарустович, ушедший к тому времени из жизни, не смог ее увидеть. Но издание это можно рассматривать как своеобразный памятник исследователю, достойное завершение его научной деятельности.

¹ Гарустович Г. Н., Нечвалода А. И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана. История, археология, биоантропология. Уфа: Китаб, 2020.

Как верно отметил научный редактор книги Д. В. Васильев, эта монография не является простой публикацией результатов археологических раскопок и архитектурных обмеров усыпальниц, а представляет собой глубокое и всестороннее исследование, которое выводит наши знания об эпохе Золотой Орды на Южном Урале на новый уровень. Авторы говорят о том, что проблема возникновения памятников культового мемориального зодчества (каменных мавзолеев) рассматривается в монографии «с позиций четырех научных дисциплин – истории, архитектуры, физической антропологии и исламоведения» (с. 17). Именно такой комплексный подход является большим достоинством данной работы.

Монография состоит из пяти глав, заключения и нескольких приложений, которые дополняют приведенные в ней данные. Первая глава посвящена истории изучения каменных мавзолеев Башкортостана. Она самая большая по объему, и это не удивительно, так как интерес к ним возник во второй половине XVIII в. и не иссяк до настоящего времени. Г. Н. Гарустович выделяет три этапа изучения памятников: дореволюционный (вторая половина XVIII в. – начало XX в.), «краеведческий» (1920–50 гг.) и научно-академический (вторая половина XX в. – начало XXI в.). Фактически первые упоминания мавзолеев, почитавшихся как «святые места», относятся к эпохе средневековья, однако, данные об их постройке и личности Хусейнбека, похороненного в одном из них, носят легендарный характер. Первое исчерпывающее описание памятников привел в 40-е – 50-е гг. XVIII в. в «Топографии Оренбургской губернии» член корреспондент РАН П. И. Рычков. В дальнейшем их описывали академики П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. Г. Георги и сын П. И. Рычкова – Н. П. Рычков. Именно в это время появляется трактовка одного из мавзолеев, как «Дома суда» или «Дворца Тура-хана», оказавшаяся очень живучей и дошедшей до XX в. Исследователи первой половины XIX в., такие как В. С. Юматов, П. Павловский не только описали мавзолей, но и сделали их архитектурные обмеры. Важное значение имело прочтение эпитафий востоковедом В.В. Вельяминовым-Зерновым. В книге упоминается еще не менее десятка имен краеведов, которые интересовались башкирскими усыпальницами и посвящали им свои исследования. В разделе приводятся обширные извлечения из опубликованных работ и архивных материалов. При этом Г. Н. Гарустович подробно и критически разбирает их, отделяя действительность от домыслов.

В советское время часть дореволюционных исследователей, в том числе и представители

духовенства, продолжили свои работы. В то же время появляются новые советские востоковеды, изучавшие историю возникновения башкирских каменных мавзолеев, письменные источники, проливавшие на нее свет, и надписи на могильных плитах. Для исследователей этого периода был характерен недостаток исследовательского опыта, что порождало создание многочисленных компиляций, и стремление рассматривать все культурные явления сквозь призму «классовой борьбы». Только во второй половине XX в. появляются исследователи, подвергающие все известные данные тщательному анализу. Так К. В. Сальников обратил внимание на наличие в Башкирии как каменных, так и кирпичных усыпальниц. А. П. Смирнов высказал мнение о пропаганде ислама булгарами в башкирской степи в XIV в. и связал башкирские мавзолеи с болгарскими. Б.Г. Калимуллин сделал профессиональную съемку плана зданий и составил их архитектурное описание. Г. В. Юсупов активно занимался болгаро-татарской эпиграфикой и прочтением надписей на надгробиях. В то же время работы этих авторов также были не лишены недостатков, и некоторые их выводы были ошибочны, что подробно и убедительно доказывает Г. Н. Гарустович. Также он указывает на откровенно компилятивные и недобросовестные творения некоторых авторов этого периода.

Отдельный раздел посвящен анализу статей и монографий, посвященных памятникам Татарстана золотоордынского периода, которые, как справедливо отмечает автор, оказали непосредственное влияние на сложение форм каменных мавзолеев Южного Урала. Подробный критический разбор работ предшественников, выявление их достоинств и недостатков позволяет Г. Н. Гарустовичу перейти к изложению своего взгляда на широкий круг проблем, так или иначе, связанных с каменными усыпальницами Башкортостана.

Следующие две главы посвящены непосредственно мавзолеям Тура-хана, «Малый кешене» и Хусейнбека. В них рассматриваются их архитектурные и метрические характеристики, разбираются строительные материалы и технические приемы, примененные в строительстве. Также подробнейшим образом публикуются материалы раскопок, проведенные здесь в разные годы, в том числе и самим автором. Все описания сопровождаются многочисленными фотографиями, чертежами планов, разрезов, фасов кладки и погребений. Таким образом, в этих главах приведен полный свод сведений о каменных усыпальницах.

Кроме погребений в самих мавзолеях, в этих главах приводятся данные о раскопках кладбищ вокруг мавзолеев Тура-хана и «Малого кешене», а

также изучения некрополя Акзиарат возле мавзолея Хусейнбека. На последнем различными исследователями были описаны, сфотографированы и зарисованы все могильные камни, а надписи на них прочитаны. Эти погребения свидетельствуют о том, что с XIV в. по начало XX в. мавзолеи почитались как мусульманские святые, приверженцы ислама хотели быть похороненными рядом с ними, в результате чего весь некрополь стал восприниматься, как святое место (аулия). Значение его в этом качестве подчеркивает и тот факт, что мавзолей Хусейнбека был восстановлен в 1911 г. на средства мусульманской общины. Г.Н. Гарустович совершенно верно отмечает важность изучения этих некрополей для понимания истории башкирского народа, изучения динамики мусульманизации, а также этнографических аспектов изменения погребального обряда. Прочтение эпитафий на надгробиях очень важно для развития языкознания, палеографии и литературоведения Башкирии.

Несмотря на подробность, тщательность и добротность публикации, именно некоторые выводы этих глав вызывают возражения. Прежде всего, это относится к архитектурному анализу сооружений. Г. Н. Гарустович сравнивает архитектуру уральских мавзолеев с порталными постройками с шатровым покрытием Средней Азии и приходит к выводу «о несомненном единстве исламского культового зодчества Средней

Азии и Урало-Поволжья» (с. 159). В то же время он совершенно верно отмечает, что треугольные внешние скосы (автор называет их «трюпами», что неправильно), служащие для перехода от квадратного в плане основания к восьмигранному барабану, не характерны для Средней Азии. Несомненным он считает сходство архитектурных форм башкирских каменных мавзолеев с мавзолеем Болгара, с чем невозможно не согласиться. В связи с этим абсолютно правомерным является наличие в книге большого раздела с подробным описанием болгарских мавзолеев. Далее автор рассматривает архитектуру болгарских и уральских мавзолеев, во многом основываясь на работах В. В. Егерева и С. С. Айдарова. Оба архитектора также отмечают как важную деталь наличие треугольных скосов и приводят в качестве аналогий мавзолеев Гюлистан в Азербайджане и мавзолеев в Ахлате (Армения). В то же время гипотезу Б. Н. Засыпкина о связи каменного зодчества Татарстана с сельджукской Малой Азией Г. Н. Гарустович считает безосновательной (с. 124). Более того, по его мнению, «мусульманские усыпальницы Азербайджана, Крыма и сельджукской Малой Азии являются локально-территориальными школами среднеазиатского мемориального зодчества» (с. 27). В результате исследователь приходит к выводу о том, что «исток зодчества болгарских мавзолеев основаны на творческой переработке армянского зодчества точно также, как конструктивные особенности мусульманских каменных усыпальниц Азербайджана, Крыма и Малой Азии» (с. 189).

Между тем, во всех обобщающих трудах, как зарубежных (например, *Hillenbrand* 1994), так и отечественных (ВИА 1969), малоазийская архитектурная школа рассматривается как одна из самых значительных и ярких в мусульманской архитектуре. Соединив в себе элементы зодчества христианских стран Армении, Византии и Сирии (и никак не Средней Азии), архитектура Малой Азии (Анатолии) уже в сельджукское время становится достаточно самобытной и оказывает влияние на сопредельные регионы, такие как Крым и страны Закавказья. Характерным элементом сельджукской архитектуры являются треугольные скосы для перехода от куба к восьмиграннику, получившие в архитектуре название «турецкого треугольника» (*Райс* 2004: 145). Также в Малой Азии сельджукского периода широко применялись пирамидальные трюпы, которые можно видеть в интерьере мавзолеев Болгара. Эти весьма характерные приемы, а также некоторые другие детали (например, мотивы каменной резьбы) позволяют связать болгарские мавзолеи именно с малоазийской архитектурной школой

(подробно об этом: *Зиливинская*, 2014: 100-108, 156-159).

Также необходимо упомянуть неправильное использование в книге термина «центрический мавзолей». Г. Н. Гарустович называет «центрическими» все квадратные в плане здания, не имеющие портала (с. 177, 178, 196). Однако центрическим можно назвать здание, все четыре фасада которого одинаковы. Чаще всего такие постройки имеют четыре входа, по одному с каждой стороны или два на одной оси. Поэтому центрической постройкой является только Черная палата в Болгаре (без поздних пристроек). Что касается Ханской усыпальницы, мавзолея Тура-хана (до пристройки портала), «Малого кешене» и мавзолея Хусейнбека в его современном состоянии, то они имеют один вход, поэтому должны называться фасадными.

И уж совсем странными кажутся рассуждения об ориентировке уральских мавзолеев. Г. Н. Гарустович считает, что различная ориентировка мавзолеев Башкортостана является пережиточным явлением, связанным с ранними стадиями становления ислама в степи и не достаточным знакомством с нормами шариата (с. 189-190). При этом он ссылается на работу Г. М. Керимова, который пишет следующее: «все молитвенные дома (мечети), надгробные памятники, могилы мусульман стоят фасадом в сторону Мекки» (*Керимов* 1978: 38). В этом утверждении все абсурдно. Прежде всего, мечети обращены в сторону Мекки отнюдь не фасадами (фасад – передняя часть!), а михрабами. Также не понятно, какие фасады могут иметь надгробные памятники и могилы. Конечно, могильные ямы имеют определенную ориентировку, и покойников в них клали таким образом, чтобы лицо погребенного было обращено к Мекке. В Золотой Орде – это положение с головой на запад и лицом – на юг. Но для мавзолеев такой регламентации нет. Достаточно вспомнить всем известный некрополь и культовый центр Шах-и-Зинда, находящийся в достаточно ортодоксальной Средней Азии. Архитектурный ансамбль здесь состоит из коридора, образованного двумя рядами усыпальниц, повернутых фасадами друг к другу. Поэтому входы одной половины ориентированы на запад и северо-запад, а другой – на восток и юго-восток. Мавзолей Ходжа Ахмада, расположенный в торце коридора, обращен фасадом к юго-западу.

Четвертая глава монографии написана антропологом Алексеем Ивановичем Нечвалодой. В ней автор подробно описывает различные аспекты изучения антропологических материалов из мавзолея Хусейнбека и «Малого кешене», отмечая, что они имеют исключительно важ-

ное значение для истории Башкортостана эпохи средних веков, прежде всего, потому, что одно из погребений принадлежит реальной и достаточно известной исторической личности – Хусейнбеку, оставившему свой след в истории Башкортостана. Причем след этот был настолько значителен, что место его погребения стало объектом поклонения.

А. И. Нечвалода подробно описывает изучение трех черепов из мавзолея Хусейнбека методами краниологии. Это позволяет определить возраст погребенных и принадлежность их к определенному расовому типу. Отдельный раздел посвящен расогенетическому аспекту изучения черепов из каменных мавзолеев Башкирии. Автор сравнивает их по различным критериям с сериями черепов из Казахстана, Монголии, Узбекистана, Болгара, сельских поселений Волжской Булгарии, а также золотоордынских городов. А. И. Нечвалода подробнейшим образом описывает принципы и методы исследования, что делает понятным даже для не специалистов, полученные им результаты. Краниологическое изучение дополняют остеологическое исследование посткраниальных скелетов и молекулярно-генетический анализ, приведенные в приложениях.

Завершает главу подробное описание проведенной А. И. Нечвалодой скульптурной реконструкции внешнего облика похороненных в мавзолеех людей. Особенно впечатляет детальная демонстрация всех промежуточных этапов реконструкции. Автор справедливо отмечает, что благодаря воссозданию образов людей далекой эпохи они перестают быть «безликими статистами истории» (с. 299), а сама история становится более близкой и осязаемой.

Наиболее значимой для изучения средневековой истории Башкортостана является пятая, последняя глава монографии. В ней Г. Н. Гарустович характеризует историческую и религиозную ситуацию на Южном Урале в XIV в. сквозь призму личности Хусейнбека, похороненного в одном из мавзолеев. При этом он дает широкую картину влияния различных регионов Улуса Джучи на данную территорию. Глава начинается с описания родины Хусейнбека, города Тараза, являвшегося в средние века значимым культурным центром на границе мусульманского мира. По предположению автора, Омарбек и его сын Хусейнбек могли быть вынужденными переселенцами, бежавшими от феодальных усобиц и смут, раздиравших южные районы Кок-Орды, в стабильную и спокойную в первой половине XIV в. Золотую Орду. Далее, основываясь на письменных источниках, научных исследованиях, и анализе эпиграфики на надгробии, Г. Н. Гарустович развенчивает много-

численные мифы, связанные с полупоэгендарной личностью Хусейнбека. По его мнению, Хусейнбек Хаджи занимал высокий статус в феодальной иерархии (бек), был благочестивым мусульманином, совершившим хадж в Мекку (хаджи) и был представителем золотоордынской администрации, так как имел право судить. Действительно, при Узбеке, сделавшем ислам государственной религией, ханская администрация нуждалась в образованных и надежных чиновниках мусульманского вероисповедания, и многие из них происходили из Хорезма.

Отдельное внимание автор уделяет версии о том, что Хусейнбек мог быть миссионером, проповедником ислама в Башкортостане, в частности, суфием и учеником Ходжа Ахмета Ясави. Основываясь на археологических материалах, Г.Н. Гарустович показывает, что к первой половине XIV в. большинство населения региона уже было мусульманским и особой нужды в миссионерах здесь не было. Также, несмотря на распространение суфизма в Золотой Орде, Хусейнбек, как чиновник и представитель администрации, не мог быть дервишем, а скорее всего, представлял ортодоксальное государственное богословие. Хотя, не исключено, что он сочувствовал учению Ясави. Несмотря на свою молодость (а умер он в возрасте 25-30 лет), Хусейнбек успел сделать достаточно много на своей должности, и над его могилой, скорее всего на государственные деньги, был возведен мавзолей.

Автор задается вопросом, почему именно в этом месте был похоронен столь известный человек с семьей, а также, вероятно, какой-то другой выдающийся деятель, и над их могилами были воздвигнуты каменные усыпальницы. Рассмотрев эти некрополи в контексте других археологических памятников, он приходит к выводу о том, что место возле поселка Чишмы в XIII-XIV вв. являлось политическим центром Башкирского улуса Золотой Орды. Вывод этот, основанный

на глубоком и всестороннем изучении, казалось бы, отдельных конкретных памятников, является достаточно революционным, и представляет собой существенный вклад в понимание средневековой истории Башкортостана.

Книга в целом не лишена недостатков. В частности, Г. Н. Гарустович почти не использует в работе исследования последних десятилетий. Все разделы, посвященные общей политической ситуации в Золотой Орде, основываются исключительно на работах Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, которые, хотя и являются классическими, но уже во многом устарели. При анализе архитектуры он рассматривает лишь хорошо знакомый ему среднеазиатский вектор, также основываясь на классических работах Г. А. Пугаченковой 70-х гг. Из изданий начала XXI в., посвященных проблематике изучения Золотой Орды и вопросам исламоведения, которые регулярно выходят как в виде монографий, так и статей в ежегодниках «Золотоордынская цивилизация» и журнале «Золотоордынское обозрение», он в небольшой мере использует только сборник «Золотая Орда в мировой истории» (Золотая... 2016). Возможно, это объясняется тем, что в последние годы Геннадий Николаевич тяжело болел и не мог следить за всеми новейшими исследованиями.

Несмотря на имеющиеся недостатки, монография «Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана», представляющая собой тщательное фундаментальное комплексное исследование методами археологии, истории и биоантропологии, является весомым вкладом в науку. Она имеет значение не только для истории средневекового Башкортостана, но и всей нашей страны. Отдельно хочется отметить прекрасное дизайнерское оформление книги, обилие иллюстраций и хорошую полиграфию. Во многом благодаря этим факторам книга может привлечь не только специалистов, но и достаточно широкие круги читателей, интересующихся историей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ВИА 1969 – Всеобщая история архитектуры. Том 8. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. М.: Стройиздат, 1969.
- Зиливинская 2014 – Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Москва-Казань: Отечество, 2014.
- Золотая Орда в мировой истории. The Golden Horde in

- World History. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Оксфордский университет, 2016.
- Керимов 1978 – Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978.
- Райс 2004 – Райс Т. Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: Центрполиграф, 2004.
- Hillenbrand 1994 – Hillenbrand R. Islamic Architecture. N.Y.: Columbia University Press, 1994.